

Там, за Саянами

АЛТАЙ И ТУВА: КРАСАВИЦА И ДИКАРКА

И. С. Тарбастаева

Аннотация: Автор статьи после научной экспедиции в Республику Алтай размышляет о различиях менталитета и поведения алтайцев и тувинцев.

Ключевые слова: алтайцы, Республика Алтай, Тува, тувинцы.

До недавнего я мало знала об Алтае. Слышала, что там хорошо развивается туризм и численность алтайцев значительно меньше, чем тувинцев. Но после научной экспедиции по теме «Особенности национальной политики в Республике Алтай», организованной по гранту Президиума Сибирского отделения Российской академии наук под руководством доктора философских наук, профессора Ю. В. Попкова мне открылись просто удивительные, даже резко контрастные различия между двумя казалось бы во многом схожими республиками — Алтаем и Тувой.

Первое и, пожалуй, самое сильно впечатление произвело алтайское общество, а именно его расколотость. Обычно об алтайцах говорится как об едином этносе. Но на деле поражаешься всей сложности ситуации. Постараюсь ее описать.

Советская власть в свое время объединила одним названием «алтайцы» разные народы, проживающие рядом друг с другом. Правда, признавалось лишь деление на «северных» (кумандинцы, челканцы, тубалары) и «южных» алтайцев (теленгиты, алтай-кижи, телеуты). Позднее, когда стали разбираться, выяснилось, что среди них есть совершенно разные наро-

Тарбастаева Инна Сергеевна — аспирант сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.

ды. У многих из них начался рост этнического самосознания, стремление сохранить свою уникальную культуру. Они доказывали право на признание их отдельным народом. В настоящий момент все из них, кроме алтай-кижи, официально отнесены к коренным малочисленным народам.

Всего за несколько десятилетий произошел поразительный процесс, когда признанный всеми алтайский этнос изнутри начал раскалываться и в итоге, раскололся на отдельные народы. Правда, надо оговориться, что это острый дискуссионный вопрос. Даже в академической среде нет единого мнения, считать ли их отдельным этносом или субэтносами алтайского народы.

Однако уже доказано, что они действительно сильно отличаются друг от друга. Даже процесс присоединения к России происходил в разное время: северные народы вошли раньше, чем южные. Они больше подверглись ассимиляционным процессам, и поэтому быстрее утрачивают культурные особенности, язык. Кумандинский и челканские языки даже признаны отдельными языками (правда, в традиционном филологическом подходе продолжают считаться диалектами алтайского языка). В республиканских же школах преподают литературный язык на основе диалекта алтай-кижи, который сильно отличается от их родного языка. Но эта, казалось бы очевидная проблема, на фоне снижения сферы действия национальных языков в целом не так значительна.

Еще одно деление алтайского общества, резко отличающие его от тувинского, — это родовое. Принадлежность к роду (сеоку) для алтайцев и сейчас является одним из основных ориентиров в обществе. Парень и девушка, если они узнают, что из одного рода, полностью исключают романтические отношения. Редкие браки, если и заключаются, подлежат всеобщему осуждению. Ощущение себя частью большой семьи и страх уронить ее честь в глазах других удерживает людей от совершения преступлений. У тувинцев же принадлежность к роду, на мой взгляд, перестала играть такую значимую социальную роль. Возможно, все дело в количестве этнических групп: алтайцев в два с половиной раза меньше, чем тувинцев. Их численность продолжает увеличиваться, и родовые связи уступают место семейным, социальным.

Тувинский этнос в сравнении с алтайцами более монолитен. Власть монголов, китайцев, длившаяся на протяжении многих веков, консолидировала тувинские племена в единое целое. В качестве коренного малочисленного народа с 2001 г. выделяются лишь тувинцы-тоджинцы, но

среди тувинцев они не противопоставляются как отдельный народ. Более того, некоторые жители «выражали недовольство тем, что население Тоджи разделено на тувинцев-тоджинцев, как представителей коренных малочисленных народов, и на тувинцев, которые к этой группе не принадлежат. Это, как они полагают, ставит их в неравные условия при распределении льгот. Большинство опрошенных считают, что улучшение их жизни зависит от них самих» (Биче-оол, 2011: электр. ресурс). Возможно, стоит поддерживать всех, кто занимается оленеводством, без разделения по этническому признаку? Тогда бы не было оснований для внутриэтнической напряженности.

Что касается уникальной тоджинской тувинской культуры, то она действительно находится в плачевном состоянии. К примеру, по словам Ирины Андреевны, тувинки-тоджинки, руководителя Комитета по вопросам коренных малочисленных народов Севера в Хурале представителей Тоджинского района, совсем уходит в прошлое национальный костюм. *«В отраслях культуры работают не тувинцы-тоджинцы, и не понимают в шитье и декорировании национального костюма этноса. В старину тувинцы-тоджинцы летом одевались в кожаные одежды без меха, а зимой меховые. Основная же масса тувинцев шьют и надевают национальные костюмы из шелка. Тувинцы-тоджинцы в жизни не надевали шелковые наряды. Правильный костюм тувинцев-тоджинцев не восстанавливают, его мы утрачиваем. Власти на это внимания не обращают, о восстановлении даже речи нет»,* — тревожится она.

Очевидно, что без поднятия субэтнического самосознания самого этноса, без ярких его лидеров с активной позиции этнокультурные проблемы только будут продолжать усугубляться. Для этого необходимы умения и навыки консолидации людей на решение общих, выходящих за пределы личного пространства, проблем. И в этом плане тувинскому обществу есть чему поучиться у алтайского, но об этом позже.

Еще одна линия раскола алтайского общества проходит через этноконфессиональную принадлежность. В республике идет жестокая борьба за культурное пространство. Одни стремятся сохранить свою истинную народную веру — «Белую веру», и с неодобрением относятся к тем, кто «переходит» в другие религиозные системы. Другие доказывают, что буддизм также можно признать традиционной религией алтайцев. Третьи относят себя к последователям шаманизма. Кроме того, в Кош-Агачинском районе, где компактно вот уже два столетия проживают казахи, успешно развивается ислам. Поскольку религиозный фактор является ядром для

сохранения их в качестве целостной этнической группы. Они не смешиваются с титульным населением и не учат алтайский язык. Держаться закрытой группой, сохраняют тесную связь с основным этническим массивом в Казахстане.

Масла в огонь добавляет и тот факт, что исторически Алтай ассоциировался с чем-то «духовным», «таинственным», «надмирским». Поэтому сюда съезжаются люди со всего мира, особенно с Запада, в поисках обретения внутреннего спокойствия, гармонии, счастья. Создается множество сект, новых религиозных движений.

В вопросе о том, какую же все-таки религию исповедуют алтайцы, нет единства не только среди простого населения, но и в академической среде. Удивительный ответ дал мне один знакомый алтаец. Я спросила:

— **Как она называется?**

— *У нее нет названия, ибо она происходит из тех времен, когда у нее не было описаний.*

— **В чем ее суть?**

— *В том, что на Земле есть не только люди, но и другие существа, более могущественные.*

— **Тогда в чем отличие от других религий?**

— *Сложно объяснять. В этом и вся соль. Нужно иметь определенные практики, чтобы понимать суть нашей религии, поэтому её никто из ученых не описывает и не пытается описать.*

— **А есть ученые, практикующие ее?**

— *Те, кто проходит эти практики, сознательно не пишут об этом и не передают знание извне. Либо ученый не понимает, и поэтому не пишет про религию. Либо понимает и проникается, и уже не пишет по понятным только ему правилам, точнее причинам.*

Одним из самых понятных ответов на этот вопрос дала мне моя знакомая алтайка: «Сам народ называет алтай жан, т. е. алтайская вера, а по-русски обычно говорят язычество, но это не так. Если в язычестве многобожье, у алтайцев вера в единого бога Алтай Кудай, дословно Бог Алтая, и поэтому правильно будет называть тенгрианство-поклонение синему небу, духу Алтая. Алтаец обращается к Всевышнему через природу, поэтому природа или Алтай для него храм, т. е. как церковь для христианина или мечеть для мусульманина».

Отсутствие единой общепризнанной духовной базы значительно затрудняет и отдаляет процесс объединения алтайского народа.

Тувинцы же в качестве своей традиционной религии единогласно принимают как буддизм, так и шаманизм. Уже не раз исследователями разных областей отмечалось уникальное по своей гармоничности сочетание этих двух систем. Распространение христианства среди тувинцев проходит без внутреннего напряжения. После визита Его Святейшества Далай-Ламы в Туву в 1992 г. идет возрождение буддийской философии на фоне некоторого ее забвения в советский период. В настоящее время подавляющее большинство населения воспринимают буддизм как часть собственной культуры, и выполняют лишь обрядовые действия без знания базовых положений. В то время как буддизм во всем мире приобретает популярность как раз из-за сближения с наукой, особенно с квантовой физикой в вопросах процесса познания действительности. Уже двадцать шесть лет работает Научно-исследовательский институт «Mind and Live» — площадка междисциплинарного, кросс-культурного диалога между современными буддийскими исследователями и выдающимися учеными в области нейрологии, генетики, физики, психологии и других. Но, чтобы тувинцы смогли оценить актуальный потенциал буддийской науки и философии, необходимо существенное поднятие их общего уровня образования, культуры.

Одним из существенных препятствий на пути к этому является значительное сокращение количества русского населения в Туву по сравнению с советским периодом. В 1980 г. в Туву проживало почти 40% русского населения, а спустя 30 лет, в 2010 г. — лишь 16,3%. Это второе яркое отличие Тувы от Алтая, где, наоборот, около 57% всего населения составляют русские. Не претендуя на глубокий анализ сложного процесса межэтнического взаимодействия алтайцев и русских, отмечу лишь его наиболее яркие манифестации. Из них в качестве положительных выделю экономический подъем, а в качестве отрицательных падение престижа алтайского языка. Начну со второго.

Языковую ситуацию характеризует, прежде всего, усиление влияния русского языка. Алтайский язык испытывает такие же проблемы, как и остальные национальные языки в России. Хотя они и признаются официальными, но из реальной сферы применения постепенно вытесняются доминирующим языком, в данном случае русским. И дело не только в количестве преподавания в школах, хотя это тоже важный фактор в деле сохранения и развития языка. Национальные языки не могут полноценно

охватить все области жизни современного человека. За кадрами остаются бизнес, правовая, профессиональная сфера и т.д. Иногда национальные языки не содержат аналогичных понятий, но чаще в этих областях по объективным причинам нарабатывается практика общения на русском языке, который и закрепляется за ними как наиболее удобный, привычный.

Особенно тревогу в условиях расширяющегося мирового информационно-коммуникативного пространства вызывает отсутствие этнических языков, в том числе и алтайского, в интернете. Формируется новое компьютерное поколение, которое выстраивает свою картину мира, опираясь на виртуальную реальность. И есть в ней не будет этнокультурной доминанты, то национальные языки продолжают стремительно терять свою актуальность (Астафьева, 2004: 30).

В этом плане у тувинского языка более выигрышная позиция. Прогрессивным шагом стало открытие в 2013 г. официальной Тувинский Википедии и перевод на тувинский язык интерфейса самой популярной социальной сети «ВКонтакте». Это при условиях, что родным языком владеют почти все титульное население республики, а русским — слабо. Для выравнивания языковой ситуации 2013 г. в Туве даже официально объявили годом русского языка и выделили 220 млн. рублей на его популяризацию (Тува направит..., 2013: электр. ресурс).

Что касается позитивного результата взаимодействия русских и алтайцев, то для алтайцев — это развитие туризма как новой формы экономической организации общества. Русские оказались более адаптированными к рыночной экономике, и туристический бизнес в современных масштабах в республике запустили преимущественно они. Теперь туристическая волна доходит до тех районов, в которых компактно проживают алтайцы (например, Улаган). Этот процесс уже не остановить. Он идет извне. Ясно по этому поводу высказался уже цитировавшийся выше мой знакомый: *«Это просто некоторая неизбежность. Если не мы будем заниматься этим, то туризмом будут заниматься другие. Основная задача сейчас — не продать свои земли чужакам, и развить туризм под собственным началом»*.

Кроме того, алтайцы увидели, что туризм при умелом руководстве может приносить хорошую прибыль. Поражает история поселка Артыбаш, который, по признанию местных жителей, еще 20 лет назад был «пьяным» поселком. В настоящее время это чистое, уютное, туристически-привлекательное место.

На Алтае бытует поговорка: «Один день — год кормит». Например, за лето школьник, катая на лошади туристов, может заработать 80 тыс. рублей. Невооруженным глазом заметно, что качество жизни на Алтае заметно выше, несмотря на то, что обе республики дотационные.

Все это в корне изменило у алтайцев отношение к туристам. Если раньше многие выражали негативное к ним отношение, то сейчас все больше приезжие ассоциируются с деньгами, и положительное к ним отношение среди титульного населения увеличивается.

Правда, не все так безоблачно, как хотелось бы. Есть и серьезные проблемы, связанные с развитием туристической деятельности. Знакомая пожаловалась, что недавно она услышала, как жители Новосибирска, которые ездят на Алтай отдыхать, даже не знали, что есть такой народ как алтайцы: «Они приезжают туда, чтобы полежать, да выпить, а мы просто как аксессуар к их отдыху». Мытье машин в реках, привязывание к священным деревьям галстуков, ремней, оставление автографов на скале с петроглифами (В социальных..., 2013: электр. ресурс) — все это больно ранит национальные чувства алтайцев, для которых природа подобна храму.

Здесь затрагивается сложная практическая и научная проблема — сохранение и развитие этнической идентичности в условиях глобализации. Происходит как бы соревнование между социальным благополучием и этнической культурой как двумя исключаящими друг друга явлениями.

Если алтайцы уже сделали свой выбор, то тувинцы как бы стоят на перепутье. В такой ситуации естественен страх утери своей этнической самобытности, усиления ассимиляционных процессов. Тем более примеры соседних республик, которые уже в значительной степени потеряли свой этнокультурный облик, свидетельствуют о реальности таких сценариев.

Однако состояние локальной закрытости затрудняет процесс включения тувинцев в современное мировое общение. Отсюда закрываются возможности для дальнейшего его развития в качестве этноса. Поскольку развитие предполагает взаимодействие, в результате которого происходит взаимообмен этнических общностей ценностями, нормами, или процесс интернационализации. Без такого взаимодействия возможно просто существование, функционирование общности, но не ее развитие (Попков, 2000: 44).

Закрытость ведет к тому, что сторона перестает быть субъектом в отношениях и превращается в объект, на который направлено действие. Однонаправленность изменений увеличивает разницу между собствен-

ной культурой и достижениями современного технологического прогресса. Это может привести к крайним последствиям — утрате собственных культурных оснований.

В настоящее время тувинцы представляют собой цельное этническое образование с сильным национальным самосознанием. И на данном этапе их этнокультурного развития отказ от ценностно-смысловых основ своей культуры им не грозит. Но скрытые предпосылки к этому исходу наблюдаются. В частности, ощущается существенный разрыв, в том числе и ценностный, между городскими и сельскими жителями. Алтайское же сообщество в этом плане более ровное, однородное.

И последнее. Если выше я писала о том, что алтайское общество переживает процесс раскола, то надо отметить, что наряду с ним происходит и процесс его консолидации. Это можно проиллюстрировать на двух примерах. Во-первых, активное развитие туризма дало толчок к созданию различных некоммерческих организаций коренных малочисленных народов, которые объединились в защиту своих интересов от бизнеса. Внешний вызов дал новый импульс для развития. Во-вторых, социально-экономическое, демографическое состояние субэтносов. Теленгиты, телеуты, челканцы пусть и не намного, но все же увеличились в численности. А численность же единственного признанного коренного малочисленного народа — тувинцев-тоджинцев сократилась более чем наполовину (по данным Всероссийской переписи населения в 2002 г., их численность составляла 4442 человека, а по переписи 2010 г. — 1858). К тому же, тоджинцы, в отличие от них, не получают никаких льгот: ни федеральных, ни региональных, ни муниципальных. Здесь налицо результаты политической мобилизации алтайских субэтносов, их активность, готовность вступать как единое целое этническое образование.

Если на Алтае развиваются навыки людей к самоорганизации, утверждаются собственные позиции различных социальных групп, то в Туве же создание некоммерческих организаций идет с большим трудом.

Хочется, чтобы алтайский опыт вхождения в глобальное сообщество был по-настоящему полезен тувинскому обществу. Чтобы ошибки и промахи проанализировали и правильно учли, а успехи не только повторили, но и превзошли.

Конечно же, нельзя не сказать об удивительной красоте природы Алтая, которая от осознания своей доступности, оказалась для меня еще прекрасней. Почти по всему Алтаю проложены хорошо асфальтированные до-

роги, поэтому путешествовать по нему легко и приятно. Если выразиться образно, то Алтай можно сравнить с общепризнанной красавицей, которой все любят со всех сторон, а Туву — с дикаркой, первозданную красоту которой могут увидеть лишь самые смелые и храбрые, те, кто приедет в этот относительно изолированный и удаленный от остального мира край.

Список литературы:

Астафьева, О. Н. (2004) Этнокультурная идентичность в глобализирующемся мире. // Проблемы этнокультурного развития русского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург : Издательский центр ОГАУ.

Биче-оол, С. М. (2011) Тувинские оленеводы Тоджи: история и современные реалии / Избранные тезисы выступлений участников Международного семинара «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии» (г. Петрозаводск, июнь 2011 г.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2–3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3780-tezisy.html (дата обращения: 20.10.2013).

В социальных сетях ищут новосибирских «дебилоидов», изрисовавших скалу с петроглифами на Алтае [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтая. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/25838/> (дата обращения: 20.10.2013).

Попков, Ю. В. (2000) Интернационализация в современном и традиционном обществах. Новосибирск : Издательство ИДМИ.

Тува направит 220 млн рублей на развитие русского языка [Электронный ресурс] // РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/tuva/20131008/968592011.html> (дата обращения: 20.10.2013).

Дата поступления: 21.10.2013 г.

ALTAI AND TIVA: THE BEAUTY AND THE SAVAGE

I. S. Tarbastayeva

Abstract: The author cogitates over the scientific expedition to the Republic of Altai about the differences in mentalities and behavior of Altai people and Tuvans.

Keywords: Altai people, Republic of Altai, Tuva, Tuvans.